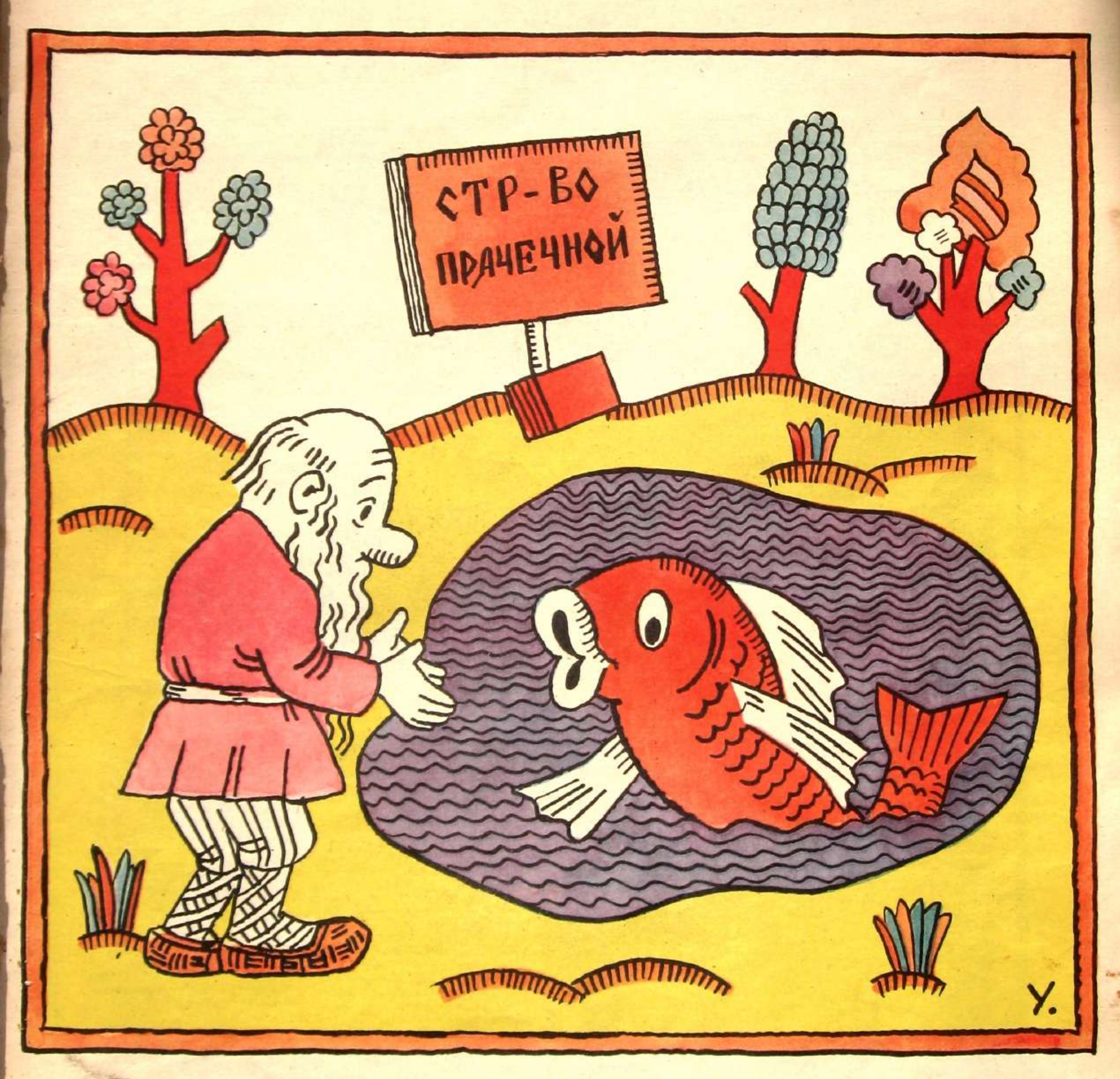
КРОКОДИЛ

№ 7(1693) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-й • 10 МАРТА 1963

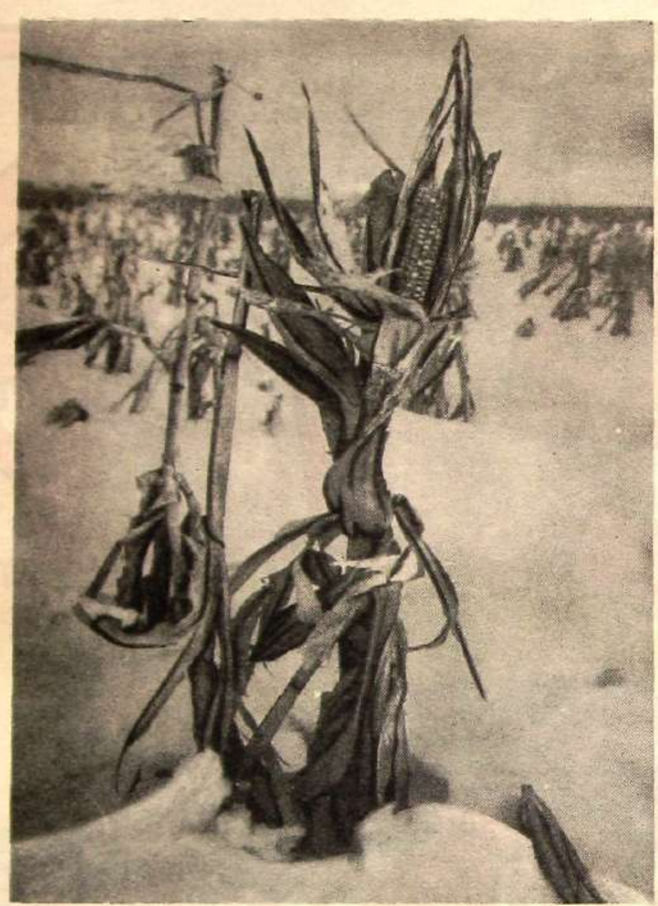
НЕПОСИЛЬНАЯ ЗАДАЧА

«Надоело старухе корыто, хочет сдавать белье в прачечную...»
Ничего не сказала рыбка...

Рисунок М. УШАЦА

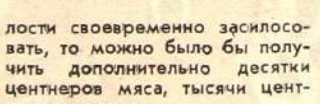
ЧТО ПЕЧАТЬЮ УДОСТОВЕРЯЕТСЯ...

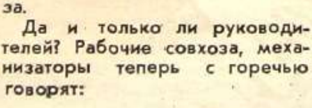
Все это вы можете увидеть в совхозе «Селезневский», Тамбовской области. Десятки гектаров кукурузы брошены под снегом. Стоит она, матушка, на колючем ветру, шелестит почерневшими листьями. Ее поливало дождем, посыпало снегом, топтал скот, грызли зайцы и полевые мыши. Но, несмотря ни на что, она стоит, выделяясь на белом фоне четкими квадратами.

Если бы эту кукурузу с початками молочно-восковой спе-

лости своевременно засилосовать, то можно было бы получить дополнительно десятки центнеров мяса, тысячи центнеров молока.

К сожалению, эта кукуруза не превратится ни в мясо, ни в молоко. Она лишь безмолвный свидетель преступной беспечности руководителей совхоза.

Да и только ли руководителей? Рабочие совхоза, механизаторы теперь с горечью говорят:

— Вот он, наш труд! Наш пот!

Но где же они раньше были? Почему молчали? Где была партийная организация совхоза?

На полях совхоза «Селезневский» брошена под снегом не только кукуруза. На одном из полей урчат тракторы, работают люди. Когда наблюдаешь издали эту картину, на ум невольно приходит фраза из районной газеты: «Ярко светит солнце, на полях кипит радостный труд». Но этот труд не приносит радости. Люди долбят ломами мерзлую землю, выковыривая прошлогоднюю сахарную свеклу.

— Вот она, свеколка,— показывает работница.— Корни один в один. Если бы ее вовремя убрали, какой корм был бы для скота!

Эту свеклу в совхозе называют «сахарным подснежником». Впрочем, на полях осталось немало и других кормов.

Нас заинтересовало, знают ли об этих потерях урожая в колхозно-совхозном управлении.

— Всю ли сахарную свеклу и кукурузу у вас убрали? — с таким вопросом обратились мы к работникам Тамбовского *колхозно-совхозного производственного управления.*

— Конечно, всю! — ответили они.

— А не могли бы вы подтвердить это официальным документом?

— Официально подтвердить это может только руководство управления!

Действительно, заместитель начальника управления Шавлов, заглянув на всякий случай в прошлогоднюю сводку, выразил готовность подписать документ, удостоверяющий, что в поле не осталось не только ни одного гектара, но даже ни одного корня свеклы и ни одного стебля кукурузы. К сожалению, у него не было на чем поставить свою подпись, и он поручил агроному Сперанскому подготовить специальную справку. Агроном в два счета подготовил требуемый документ и понес Шавлову на подпись. Но начальство за это время успело куда-то улетучиться. У Сперанского не было другого выхода, как подписать справку самому. Но если Шавлов готов был поставить свою подпись, но не имел на чем, то Сперанский, имея что подписать, не имел на то полномочий.

— Это что же, я должен брать на себя ответственность?! — почесав затылок, сказал он.— А вдруг окажется, что не все убрано?

Мы согласились взять неподписанную справку, но она тут же исчезла в столе агронома.

— Незаверенных справок не выдаем!

Подписанные и заверенные по всей форме документы мы увидели в Тамбовском областном статистическом управлении. Там нам показали отчеты об уборке урожая, скрепленные подписью директора совхоза «Селезневский» Г. С. Лаврова. Директор совхоза с приложением печати удостоверял, что вся сахарная свекла и кукуруза убраны с полей еще прошлой осенью, и ввел в заблуждение легковерных руководителей колхозно-совхозного управления.

Поскольку Г. С. Лаврову приходится заверять государственные документы и поныне, мы предлагаем ему скреплять документы печатью разработанного нами образца. Пусть

на липовых документах красуется не только подпись очковтирателя, но и его личность.

А. ГОЛУБ,
специальный корреспондент Крокодила.

Тамбовская область.

Фото Д. Бресткина.

ВРЕМЯНКИ

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

СПРАВКОМАНЫ

Нет, это не опечатка. Речь пойдет не о наркоманах, а именно о справкоманах.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении нетрудно убедиться, что разница между этими двумя малопочтенными маниями, как говорят математики, стремится к нулю. Справкоманы тоже неприятны для окружающих, насквозь отравлены своей блажью и, подобно наркоманам, тоже почти не поддаются излечению.

На них не действуют ни уколы критики, ни припарки из взысканий, ни даже холодный душ постановлений и решений. Им, несмотря ни на что, по любому поводу вынь да положь справку.

И неважно, что эта справка совсем не нужна. Им, справкоманам, она нужна. Тем более, что с ее помощью легче создать видимость кипучей деятельности. Вот почему их ничем не прошибешь, хоть кол на голове теши. Они в своих креслах сидят насмерть. Сидят и бубнят:

— А все-таки она требуется!

ШИРОКИЕ НАТУРЫ

Уж сколько раз твердили миру: при поступлении на работу достаточно предъявить паспорт и трудовую книжку. И все.

Так нет же! То тут, то там мы с удивлением наблюдаем кадровиков-справкоманов, чьи испорченные натуры не желают довольствоваться малым.

Например, желающему потрудиться на Старорусском соко-экстрактном заводе сделать это весьма не просто. Он предварительно должен засвидетельствовать свою личность автобиографией, характеристиками и, конечно, вездесущими справками из домоуправления.

Заботой о высоком моральном облике трудящихся веет от действий руководителей Уссурийской швейной фабрики. Здесь от поступающих на работу требуют нотариальную копию свидетельства о браке. Дескать, знаем вас, незарегистрированных, с вами бед не оберешься.

Абсолютно оригинальный метод определения пригодности работников придумали справкоманы — торговые деятели из города Глазова, что в Удмуртской АССР. Принимая людей на переборку лука, они требуют от них различные справки, в том числе и о составе семьи. Теперь орсовские мудрецы имеют безошибочный критерий: состоит, скажем, семья поступающей на работу только из мужа и детей — можно доверить ей переборку лука; обнаружилась тайная свекровь — стоп, от ворот поворот!

НА МАРАФОНСКОЙ ДИСТАНЦИИ

Легче трижды поступить, чем единожды уволиться. Мы не претендуем на авторство этого нечаянно вырвавшегося у нас афоризма. Истинными его авторами являются те, кто превратил процедуру увольнения в хождение по мукам.

Мы имеем в виду обходные листы. Они же так называемые «бегунки».

Ох, уж эти бегунки! Посмотреть на них, перелистать историю их кратковременных падений и блистательных взлетов — и можно подумать, что они являются основой благополучия общества. Так и видишь хитроумных шерлоков холмсов из отделов кадров, которые, напичкав бегунки неимоверным количеством пунктов, плотоядно потирают руки. Ну-ка, мол, попробуй теперь кто-нибудь что-нибудь стянуть! Черта с два — сразу засыплешься!

Честных людей псевдобдительные обходные листы заставляют хлебнуть горя. Чтобы обойти все инстанции с бегунком, нужно быть бегуном, как минимум, на марафонские дистанции.

И в самом деле. Попробуйте собрать в различных местах 16 подписей, как в Астраханской ремонтно-эксплуатационной базе имени Урицкого, или 19, как в шахте № 7 г. Черногорска, или 21, как в Вологодском техникуме железнодорожного транспорта. А в краснодарском автохозяйстве № 3, чтобы собрать 23 подписи для оформления отпуска, нужно потратить, пожалуй, весь отпуск.

Нетрудно догадаться, что подобные малоувеселительные прогулки явно не способствуют появлению у вас ангельского характера. Да и откуда ему взяться, если, скажем, увольняясь с шахты г. Артема, что в Приморском крае, вам нужно обегать с бегунком четыре библиотеки? А на Краснодарской маслосырбазе совнархоза, где всего работают 169 человек, требуется заполучить на обходной лист подписи пяти бухгалтеров и шести заведующих складами. Вот уж действительно бред наркомана!

ОТЦЫ И ДЕТИ

Древняя, как мир, проблема справок обладает, оказывается, и антагонистическими свой-

— Поговорил учитель с твоей мамой?
— Нет, мама с ним поговорила.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

ствами. Дети, как им и полагается, рвутся в будущее, а несознательные отцы только и знают, что держать да не пущать.

Не верите? Зря.

Возьмите, скажем, московских ребят. Ну что, в самом деле, может помешать их, как говорится, неодолимому движению по дороге к знаниям и интересным профессиям? Казалось бы, ничто. Но это — увы! — только казалось. Выясняется, что и на этом проторенном пути имеются заслоны. И не какие-нибудь, а бумажные. Чтобы поступить в строительное училище № 10, нужно представить солидный набор из шести документов. В школы-интернаты Свердловского района можно проникнуть, преодолев сперва заградительный барьер из девяти всяческих свидетельств, характеристик и прочих справок. А руководители строительного училища № 25, очевидно, чувствуют себя уверенно лишь тогда, когда будущие штукатуры и каменщики среди множества документов приносят им и справки от районного психиатра.

Заразительному примеру столичных справкоманов следуют и областные — из Иванова, Белгорода, Краснодара,— где попасть в детский сад, интернат или музыкальную школу может только малыш, вооруженный до зубов десятком анкет, справок и других документов.

Особенную приверженность питают бдительные взрослые дяди к характеристикам детей. Да оно и понятно: мало ли кто может просочиться в ясли под личиной младенца? А кто знает, каков научный багаж и моральный облик будущего первоклассника!

Нет уж, что там ни говорите, а чтобы внести полную ясность, характеристика необходима. Вот такая, допустим, как выданная школой № 644 Бауманского района Москвы ученице 8 «В» класса Ларисе Б. в том, что она «действительно прослушала курс 8-го класса и успевала по всем предметам, кроме алгебры, геометрии, физики, немецкого языка, физкультуры, черчения».

А ВСЕ-ТАКИ ОНА ТРЕБУЕТСЯ!

Приблизившись к концу фельетона, мы с прискорбием вынуждены признать, что Козьма Прутков прав: нельзя объять необъятное. Невозможно рассказать обо всех анкетофилах, хотя они того стоят.

Одним словом, не оскудели еще справкоманами предприятия и учреждения. Сидят эти деятели на своих теплых местечках, подшивают бесчисленные справки и, ухмыляясь, твердят:

— А все-таки она требуется!

И поскольку это так, мы решили согласиться с тезисом: да, требуется повседневная, всеобщая, беспощадная борьба с ними — с теми, кто в угоду бумажке отнимает у людей время и портит им настроение.

Пусть будет так!

Я. ДЫМСКОЙ

Алим КУЧКАРБЕКОВ

ПОПУГАЙ

Один директор,
от тоски сгорая,
Купил по случаю
красавца попугая.
Расход оформил
по служебной смете
И поместил
покупку в кабинете.
И попугай усвоил,
хоть не сразу,
В начале года
небольшую фразу,
Он повторял назойливо,
как спьяну:
«Да... обещаем...
Выполним... по плану!»
Но тот же попка
на исходе года
Хрипел:
«Не смог...
Испортилась погода!..
И подвела
отсталая бригада...»

* * *

Морали здесь читателю
не надо...
Любой директор мною уважаем,
Коли не схож, как этот,
с попугаем.

Перевел с узбекского В. ДРОБИН.

ВПОПЫХАХ

Знал я одного хозяйственного руководителя по фамилии Лепилов. Трудился он в районном звене. На разных постах. Была у него одна пустяковая слабость: любил докладывать об исполнении. И непременно, чтобы первым. Одно время рекомендовали Лепилова председателем колхоза. Другие председатели весной еще ходят с агрономами по полям, щупают землю, нюхают зачем-то ее, а Лепилов уже телефонограмму в район:

— Так что отсеялись!

Спустя какое-то время из района запрашивают:

— Какие виды на урожай?

Лепилов тут же рапортует:

— Двадцать пять центнеров с гектара. На корню подсчитано, согласно вашей директиве. Снимем в сжатые сроки и без потерь!

Не пришлось Лепилову на этот раз отрапортовать первым. Во-первых, снимать было нечего. Сеяли в мерзлую почву, потом пересевали (но это уже без рапортов). Во-вторых, сняли самого Лепилова.

Сняли и бросили на райводхоз. Объезжал Лепилов свои владения. Колхозники жаловались:

— Зима в этом году снежная. Дамбу надо бы укрепить, а то не ровен час прорвет.

— Примем меры,— сказал Лепилов и в тот же день — телеграмму в область:

— К встрече паводковых вод готовы полностью!

Прорванная дамба еще несколько подмочила репутацию Лепилова.

С водхоза кинули Лепилова на райбаню:

— На воде подмок, на воде и обсыхай.

Обсыхал Лепилов не на воде. На металле. Получил директор бани строжайшую директиву по линии «Вторчермета»:

— Сдать двадцать тонн металлолома.

А где же его столько насобираешь в бане? Даже если сдать все шайки из мужского и из женского отделений да еще номерки из гардероба, и половины планового задания не будет! А Лепилов не любил докладывать о половинках. Он очень уважал сто процентов. И чтобы еще хотя бы три десятых.

Ходил Лепилов по своему хозяйству в размышлении, как бы исполнить директиву поскорее. Чтобы не обскакал кто-нибудь. Зашел он в котельную, и тут его осенило.

— Автоген у нас есть? — спросил истопника.

— Нам он без надобности. На автобазе, там есть.

— Тащи!

Принес истопник автогенный аппарат.

— Режь котел! — приказывает Лепилов.— Режь, тебе говорят!

На другой день Лепилов уже докладывал:

— Металлолом в количестве двадцати тонн и тринадцати килограммов собран! Ждем дальнейших указаний!

Баню пришлось закрыть. Лепилова навечно зачислили рядовым бойцом пожарной охраны — по его прежней специальности.

С тех пор я давно не слыхал о Лепилове. Думал, и след его затеряется. Но вот недавно поехал я на Смоленщину и несколько раз спрашивал себя:

— Батюшки, да уж не Лепилов ли тут трудится?

В стране началась большая и важная работа по перестройке аппарата. Опыт первых недель существования сельских и промышленных обкомов доказал, что дело это правильное и нужное.

Но на Пленуме ЦК особо указывалось:

— Не спешите. Посоветуйтесь с народом. Придется повозиться, дело это не простое.

Одним словом: думайте и еще раз думайте. Не наломайте дров.

Чтобы думать, надо иметь голову.

Чтобы разделить Общество слепых на два общества — на сельское и промышленное, можно обойтись и без нее.

И товарищи из города Ярцева, Смоленской области, прекрасно обошлись.

Я спросил у председателя Ярцевского горисполкома тов. Шараева Н. С.:

— Скажите, именно так вы и думаете направлять усилия на решение генеральных задач?

Тов. Шараев глядел на меня и явно не понимал, к чему я клоню.

— Все делят, и мы...

Нет, о чем, о чем, а о генеральных задачах в Ярцеве думали меньше всего.

Главное, первыми отрапортовать:

— Так что разделили! Мы это завсегда!.. Ждем дальнейших!..

А дальнейших нет. Нет потому, что в Ярцеве уже всех поделили — и слепых и зрячих. И здоровых мотоциклистов и больных пенсионеров.

Сельский пенсионер — это сельский. Промышленный — это промышленный.

Заведующий Смоленским облсобесом Алексей Николаевич Низовцев раскинул мозгами и пришел к выводу, что собесы делить не надо, ни к чему.

— Пенсии выдаем исправно и сельским жителям и городским. Комиссии ВТЭК обслуживают и тех и других безотказно. Аппарат сработался.

Алексей Николаевич доложил свои соображения наверх. На четвертом этаже — в облисполкоме — не поняли:

— Это как не делить, если все делят?

Тогда Алексей Николаевич пошел на компромисс:

— Ну, ладно. Только я согласен на сельском стуле сидеть за зарплату, а на промышленном — бесплатно. На общественных началах. Объем работы прежний. Справлюсь.

Но Низовцева не поддержали.

На ноябрьском Пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев серьезно предупреждал:

«Предстоит вдумчиво, неторопливо провести эту работу. Следует предостеречь от поспешности, которая может кое-где привести к дезорганизации».

В Ярцеве уже допустили такую поспешность. Осуществляли разделение в органах народного образования. Быстро осуществляли. Торопились отрапортовать первыми. Спешили продемонстрировать. Впопыхах не заметили маленькой детали: сельские учителя остались без зарплаты. В сельском облоно денег не оказалось. А промышленное сельскому не дает:

— Дружба дружбой, а бюджетик врозь.

У членов Общества слепых в городе Ярцеве был красный уголок. Там работали кружки, инвалидам совет Общества помогал в трудоустройстве. Сейчас члены Общества, живущие в деревне, по существу, лишились этого поводыря.

Тринадцать читателей Крокодила, которые оказались в командировке в городе Зыряновске,— работники *Казгипроцветмета* и *артисты* Карагандинской филармонии — написали нам слезное письмо. Утром 8 января командированные товарищи в количестве пятидесяти человек спокойно отправились по своим делам. Вечером они вернулись к разбитому корыту. Вместо кроватей в номерах стояли залитые чернилами канцелярские столы и урны, которые служащие уже заполнили деловыми бумагами. В гостинице разместились только что созданные райисполком и партком.

— А куда же нам податься? — спросили наивные командированные.

— А куда хотите,— ответил гостеприимный председатель Зыряновского горсовета В. Ф. Балобанов.

Пятьдесят советских граждан, выполняя свой служебный долг, приехали в город Зыряновск. Они проделали долгий путь не для того, чтобы полюбоваться в утренний час непередаваемым зрелищем, когда тов. Балобанов из своего административного окошка обозревает подведомственные окрестности. Они проектировали для города Зыряновска новые предприятия и повышали культурный уровень зыряновских граждан. В том числе и уровень председателя горсовета, если он присутствовал на концертах.

И вот этим людям предложено в самой грубой, непререкаемой форме убираться из гостиницы на все четыре стороны. На мороз — 35 градусов по Цельсию.

Ради чего?

Ради того, чтобы доложить:

— Ваше приказание вып!.. Ждем дальнейш!..

Идет большая государственной важности реконструкция нашего аппарата. Делается это исключительно для того, чтобы нам всем лучше жилось, чтобы мы были еще богаче, еще сильнее. Но какое Лепилову до этого дело? Главное для него — сломя голову доложить первым, не особенно задумываясь о последствиях.

Дорогие товарищи, не будем подавлять творческую инициативу лепиловых. Не будем давить на индивидуальность. Наоборот. Всячески надо поддерживать и развивать. Учитывать призвание.

Соответственно надо и использовать это призвание. На таких участках, где требуется поспешность. Курьерами. Бегунами на короткие дистанции. Или просто по их прежней неруководящей специальности.

А. СУКОНЦЕВ

— Кто за то, чтобы принять этот дом, прошу рук не опускать!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ПЕРЕЗВОН

В клуб на собранье атеистов
пришли двенадцать коммунистов
и председатель сельсовета,
чтоб подтвердить, что бога нету.

А рядом, в церкви у попа,
от алтаря и до порога,
хоть реденькая, но толпа
вкушает проповедь про бога.

Так длится пропаганда эта
не год, не два, а многи лета.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Узелки на память

— Ну и дела пошли — ни дать, ни взять! — жаловался взяточник.

* * *

— Она ведь не в этом, красота-то,— оправдывался закройщик.— Еще наши деды говорили: «Неладно скроен, да крепко сшит!».

Ю. ХОБОТОВ

Молодой поэт думал, что колебания его души отмечают все сейсмографы мира.

* * *

— Над ними не каплет, а они все недовольны,— жаловался на посетителей директор душевой.

* * *

Жулик действовал по принципу: семь раз обмерь, один — обвесь.

Т. КОНСТАНТИНОВ

По инерции написал анонимное заявление об очередном отпуске.

Ю. НИКОЛЬСКИЙ

Колхоз решил не проводить снегозадержание. Снег обещали прислать шефы из города.

* * *

Душа спекулянта, попавшая в рай, поторговывала там райскими яблочками.

Вал. ДЕВЯТЫЙ

Когда было объявлено, что в зоопарке проводится «День открытых дверей», посетителей не стало.

Гр. КРЕМЕР

Выставка, устроенная стекольным заводом, называлась «Наше время и стекло».

* * *

Дрессировщик говорил об удаве: «Он у меня в ногах ползать будет».

* * *

Здоровый мужчина — кровь с коньяком.

А. ВАССЕРМАН

На всех собраниях он присутствовал в качестве количества.

* * *

Уступая дорогу начальнику, наступал на ноги подчиненным.

* * *

Часто называл опытом свои ошибки.

Л. МИРОШНИКОВ

Сел в трамвай и властно бросил кондукторше:
— В исполком!

* * *

На вопрос о профессии ответил коротко:
— Начальник.

А. КОЛТУНОВ

РУКА РУКУ...

Технология этого дела несложна. Нужны как минимум два участника.

Бывший председатель бывшего Владимирского совнархоза тов. Терехов Петр Степанович и его бывший заместитель тов. Киселев Дмитрий Иванович решили исправить очевидную ошибку вышестоящих инстанций, которые «забыли» отметить их прошлые заслуги денежными премиями. Они выпустили на старых бланках ныне не существующего Владимирского совнархоза два последних «исходящих» от 11 февраля 1963 года.

«Заместителю председателя Всероссийского совета народного хозяйства

тов. Шкурно Е. П.

Прошу Вас рассмотреть вопрос о премировании тов. Киселева Д. И. за успешную организацию на заводах (имярен) заказов (таких-то) и за успешное выполнение планов 1960—61—62 годах.

П. Терехов».

А вот «исходящее» № 2:

«Заместителю председателя Всероссийского совета народного хозяйства

тов. Шкурно Е. П.

Прошу Вас рассмотреть вопрос о премировании тов. Терехова П. С. за успешную организацию на заводах (имярек)) заказов (таких-то) и за успешное выполнение планов 1960—61—62 годах.

Д. Киселев».

И оба исходящих документа получили соответствующие резолюции. Авторы же соответственно получили, так сказать, «входящие».

Остается рекомендовать тт. Терехову и Киселеву проявить чуткость и представить к награде и денежной премии щедрого товарища Шкурко.

И. ФИЛАТОВ

Борис ПРИВАЛОВ

ЧУТКОЕ ОТНОШЕНИЕ

На стоянке такси очереди не было. Такси, впрочем, тоже. Я стал возле оранжевой тумбы. Первым. Я чувствовал себя зерном, из которого должна прорасти очередь. И она начала расти: за мной стали сразу трое мужчин. Они появились почти одновременно. Увидели друг друга, обрадовались, затолкались, как школьники на морозе.

Меня они, конечно, не знали, но я-то их узнал сразу: писатели — Поэт, Прозаик и Драматург. Фамилии их называть не стоит: они и без того достаточно известны.

— Черт знает что творится! — громогласно возмущался Прозаик.— Целые дни мы торопимся, мчимся, спешим! Только вот при оказии какой-нибудь и перемолвишься словом со старыми приятелями! Ведь сейчас опять разбежимся в разные стороны, не успеем словом переброситься. Как они идут, дела-то?

Поэт и Драматург дружно вздохнули.

— Ясно,— подытожил Прозаик.— И жаловаться — грех, и не жаловаться — грех.

— Уж кому жаловаться, только не тебе,— сказал Драматург.— Слухом земля полнится: тебя в какую-то редколлегию ввели. Не то альманаха, не то...

— Не то, не то! — замахал кожаными рукавичками Прозаик.— Слух, верно, был, да сплыл. Меня действительно долго уговаривали поработать в журнале «Новь». Я, понятно, отпихивался: дескать, своих дел невпроворот, да еще роман нужно дописывать. «Введем,— говорят,— в редколлегию, дадим четыре творческих дня — сиди дома». Грешен: согласился. Иду на следующий день к редактору, а он мечется по кабинету, как хищник с нечистой совестью. И произносит на бегу различные абсурдно-абстрактные фразы: «Я тебя люблю... критика любит... сам понимаешь, чуткость... одним словом, литература требует жертв... всякое бывает... Понимаешь, тут Маракаров...»

— При чем тут Маракаров? — удивился Драматург.— Такое имя в солидном, идейно выдержанном журнале и произносить-то неприлично.

— Именно Маракарова ввели вместо меня в редколлегию!

— Маракарова?! — охнул Поэт.— Но почему? Где тут логика?

— Есть тут и логика. Но в основном преобладает чуткость,— продолжал Прозаик.— Редактор объяснил мне весь этот казус так. Ты, мол, человек известных взглядов, устоявшейся репутации, тебя уважают, печатают, читают. А Маракаров легковесен, конъюнктурщик, скандалист, и к тому же у него душевная травма: со второй женой разошелся...

— Не будем сплетниками,— строго произнес Драматург.— С третьей.

— Тем более. Редактор так сказал: «Если не проявить чуткости, не ввести Маракарова в здоровый коллектив, то можно его просмотреть, потерять. Совсем, того и гляди, переключится на очернение действительности».

— Что же ты сделал? — спросил Поэт.

— Так я же морально устойчивый, не скандалист, душевной травмы еще не нажил! Поднялся с кресла да и пошел домой.

— Маракарову везет,— махнул рукой Драматург.— Если бы Маракаров стоял тут, в очереди, держу пари — такси подошло бы сразу! А нам ни в чем отрады нет!

— Что тебе-то нужно? — удивился Поэт.— Пьесы твои все хвалят, они идут повсюду, а ты еще вздохи издаешь!

— Интересное кино! — деланно рассмеялся Драматург. — Неделю назад я должен был вылетать аж в самый город Бюргербург. Делегация крохотная, путешествие большое. Являюсь я к устроителям сей поездочки, а они меня — этак не-е-жненько! — обухом по голове: вместо тебя, дорогой друг, говорят, едет уважаемый товарищ Кулькин с супругой.

— Кулькин? — ахнул Поэт.

— Кулькин? — переспросил Прозаик.— Так это же драмодел первостатейный! Он процветает со скоростью пяти мелодрам в год! И все препошленькие и с червоточинкой.

— Так вот, говорят мне устроители таковы слова,— продолжал Драматург. — «Конечно, Кулькин — явление не слишком положительное. Скорее наоборот. Однако в городе Бюргербурге его очень любят. Даже хвалили один раз в вечерней газете».

— Но если наши идейные противники нас хвалят,— наивно произнес Поэт,— значит, мы сделали какую-то ошибку...

— Это я им цитировал,— сказал Драматург устало,— и даже добавил, что буржуазная пресса Бюргербурга меня здорово ругала. «Ты что, заграницы не видал? — спрашивают меня.— Мы же вместе пол-Европы, до Эльбы прошагали! Ты парень идейно подкованный, тебе эта заграница ни к чему. А Кулькин едет туда всего в пятый раз. Пусть почувствует отвращение к ихней буржуазной идеологии. Почувствует и перестроится! Сейчас, брат, самое главное — чуткое отношение!»

— А если ему понравится процесс «прочувствования» и он будет перековываться еще лет десять,— съехидничал Прозаик,— пока весь мир не объездит?

— Пусть Кулькин едет куда ему вздумается,— зябко поежился Драматург,— а мне бы сейчас доехать до театра, там совещание... И куда пропали такси?

— Пока машины нет,— заторопился Поэт,— я хочу вам поведать аналогичный случай. Произошел со мной. Время действия — вчера. Прихожу в издательство и узнаю: мою книгу перенесли из плана этого года в план будущего. Почему? Рецензии — лучше не надо, книготорг берет тираж и так далее. Оказывается, виной всему та же чуткость. Именно в порядке срочного проявления чуткости меня заменили в плане Халупкиным!

— Халупкиным?! — схватился за свою шляпу-пирожок Прозаик.

— Этот деятель похлестче Кулькина и его жены, вместе взятых,— усмехнулся Драматург.

— Верно,— продолжал Поэт,— хуже. «Тем более нужна повышенная чуткость,— сказали мне.— Пусть Халупкин — пессимист и у него проскальзывают сомнительные тенденции, пусть! А вот когда читатель убедится, что Халупкин не Пушкин и не Лермонтов, Халупкину некуда будет деваться и он сдаст в утиль свои заблуждения и отклонения». Вот какова логика чуткости!

— Тебя, конечно, перенесли на другой год? — догадался Драматург.

— Да, говорят, что мне спешить некуда, что я не гнию на корню, что я идейно доросший и на меня можно положиться. Я не сползу, не отклонюсь, не заблужусь...

— Послушайте, братцы,— сказал Прозаик.— Дело же обстоит элементарно просто! Идея! Эврика! Предлагаю вот что...

Я насторожился, даже одно ухо ушанки поднял, чтобы слышать лучше. Но в это время подошло такси, и мне пришлось уехать, не узнав гениальную идею Прозаика.

...Недели через две я встретил одного друга, который хотя сам и не причастен к литературе, но знает всех литераторов, как мать своих детишек, и посвящен во все закулисные, надкулисные и прочие тайны.

Я рассказал ему о разговоре на остановке такси, и мой всезнающий друг радостно воскликнул:

— А я-то, дурак, голову ломал! Ты знаешь, на той неделе Прозаик выступил в газетах с двумя «незрелыми и ошибочными», как их оценили, статьями! Поэт на очередном вечере поэзии прочел такие вещи, что сам Халупкин позеленел от зависти. А Драматург забрал из театра уже принятую к постановке героическую пьесу, сделал из нее смесь правды с кривдой, и теперь ее будут сто театров играть, а двести критиков ругать. Говорят, даже из самого Бюргербурга ему уже прислал по этому поводу приветствие какой-то ночной клуб...

...Еще через две недели я узнал от своего друга-всезнайки, что Драматург с женой едет за границу, однотомник Поэта вновь включили в план издательства, а Прозаика ввели сразу в две редколлегии.

Наконец-то и к ним отнеслись чутко!

— А теперь представьте, что подо мной проволока...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Некоторые сценаристы исчерпывают свои творческие силы на сочинение заявок и заключение договоров с киностудиями. После получения аванса *вдохновение покидает их...* до следующей заявки.

ВЗЯЛ!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ПО ПОВОДУ ПЕСЕН

Стал Текст однажды выхваляться:
— Неплох я с Музыкою, братцы!
А *Музыка в ответ:* — Ха, ха!
И без тебя я неплоха.

ПОЭТАМ, ВСЕЛЯЮЩИМСЯ В НОВЫЙ ДОМ

Дом будет, говорят, из блоков.
А много ль в доме будет... Блоков?

Осип КОЛЫЧЕВ

ДРУГУ ДРАМАТУРГУ

Ты пьесу написал. Я посмотрел. Не скрою,
Что современности в ней отдаешь ты дань.
Хоть персонажи все твои — герои,
А пьеса, несмотря на это, дрянь.

АРГО

И. ЭРЕНБУРГ. Красная Шапочка вошла в лес. Какой ветер! Говорят, в этом лесу водятся волки. Дядя Леня подарил как-то плюшевого волчонка. Он сначала мне нравился, а потом я засунула его за комод и забыла о нем... У дяди Лени несчастная судьба. Он слишком увлекающийся. Окончил институт, увлекался пиротехникой, потом влюбился в агрономию, спорил с вейсманистами, собирал репродукции Пикассо. Воевал, был ранен, овдовел, снова женился, родилась дочь, умерла, потом еще одна, тоже умерла. Дядя Леня любит повторять: «В двадцать лет любят, в тридцать охотятся, в пятьдесят ловят рыбу».

Бабушкин дом стоял на окраине. Ветер шелестел обрывками газет у избы-читальни. Интересно, дома ли Бабушка? Жизнь у нее сложилась неудачно. Босой девчонкой пасла гусей, самоучкой окончила школу, потом еще одну, была на курсах, работала на заводе, потом в колхозе, вышла замуж, муж умер, родился сын, умерли оба — и муж и сын,— наконец, встретила моего дедушку, но и тот вскоре умер. Бабушка сказала мне как-то: «Простота, внучка,— это и есть сложность, а ты не знала?»

Красная Шапочка вошла в избу. На кровати в чепце лежал Волк. Он был немолод. Позади бурная жизнь. Искоса следя за Красной Шапочкой, Волк думал: мне скучно притворяться бабушкой. И вообще скучно. В Мулен-Руж сейчас, вероятно, пляшет Финфита, глаза у нее печальные и веселые. Туда бы! Забывшись, Волк протяжно застонал. Красная Шапочка, вскрикнув, уронила *пирог. Съесть ее было* делом минуты. За окном догорал закат. Вошедшие куры клевали крошки. Если зажмуриться, то журавль на колодце напоминает Эйфелеву башню...

Наталия ИЛЬИНА

Крас… Шап…

СКАЗКА О «КРАСНОЙ… ВСЕМ, КАК БЫ РАСС… И. ЭРЕНБУРГ, Л. Л… СТОВС…

Л. ЛЕОНОВ. Собралась было Красная Шапочка выйти со светом, чтобы вернуться обыденкой, да старинные ходики на материнском буфете *стали припаздывать* на часок-другой в сутки, а потому и вышла в тот день девонька позже заранее намеченного, облюбованного времени. Шла с подарками. В корзине, медком припахивающей, из тонких ивовых прутьев слаженной (уж не деревенскими ли умелицами?), пирожок с морошкой, любовно в чистую тряпочку обернутый, да бутыль с горячительным от старушьих ревматизмов. Бор кинулся навстречу без предварительного подлеска, оглушив нешелохнутой тишиной, лишь изредка колокольцем птиц прерываемой... Тропинка хитрила, петляя замысловато, прикидываясь то проливным дождичком, то полянкой; то металась, как больной лихоманкой, то текла невинно и невозбранно, благовествуя близость студеного ручейка. Ели, наподобие ведьм, трясли космами, неохватно, неоглядно ввысь вонзались в небо сосны, и вот уже за кустом мелькнуло что-то, возбудив естественный страх в девичьем сердце на предмет волков и прочего лесного зверя, голодом томимого... Но в отмену девичьим опасениям мельканья прекратились, и вот уже тропинка, прикинувшись подружкой, звала, манила к проселочной дороге, булыжником вздыбленной, песочком присыпанной... И вот уже бабушкина избушка выбежала навстречу, кривым оконцем подмигивая, и березка замахала зеленым убором, и вошла в избу *Красная Шапочка... Волк, прикинувшись* бабушкой, томился под атласным одеяльцем легкомысленной раскраски, впрочем, жарковатым по такой натопленной избе... Нечистая сила, прикинувшись котом, намывала за печкой го-

Б. СУХАРЕВСКИЙ

КРУГЛОЦЕФАЛ

Медицина не встречала еще такой круглой головы. Идеально круглой. С замшевым бобриком и внимательными розовыми ушами.

Он пришел на первый курс ВГИКа в отцовском кителе. В его голубых глазах пылал огонь неистребимого любопытства. Его уши появлялись всюду, где люди собирались больше двух.

— Что тебе надо? — спрашивали Круглоцефала люди, спорившие о мизансценах, подсветках и о том, можно ли снимать ручной камерой, вися вниз головой.

— ...Тиресно! — отвечал сияющий Круглоцефал. Его высоковольтная улыбка обезоруживала, и ему разрешали слушать дальше.

В конце первого курса он *узнал слово «неореализм».*

— Неореализм! — завороженно повторял Круглоцефал.— Тиресно! Ни павильонов, ни освещения! Снимай, как есть,— поня́л?

Ко второму курсу Круглоцефал приоделся и незаметно для нас стал признанным главой институтских неореалистов.

— Во ребята дают — поня́л? — поучал он зеленых первокурсников.— *Идет человек мимо* забора. И ничего с ним не случается. Идет, идет — и все тебе. Тиресно!

В конце второго курса я уехал на практику и встретился с Круглоцефалом только на третьем. Он был одет в толстенный черный свитер, плюшевый бобрик по-прежнему топорщился над его розовыми звукоуловителями.

— Привет неореалисту! — сказал я.

— Неореализм? Старо! — презрительно процедил Круглоцефал и внезапно заработал быстро и горячо, как стиральная машина:

— Во *ребята* дают — поня́л! Образный кинематограф! Ракурсная система! Он с самой верхней точки... Махонький как муха... Ее глаза во весь экран: «Ко-о-о-стя-ааа!» И — грудью вперед, на камеру! Две

сная
очка

ОЯ ШАПОЧКЕ» ИЗВЕСТНА АССКАЗАЛИ ЭТУ СКАЗКУ . ЛЕОНОВ И К. ПАУ- ВСКИЙ.

стей... Мелкая, неизъяснимая колдовская рябь стала застилать глаза девоньки, однако остатками сознания видела она безумный, точечный зрачок следившего за ней Волка...

«Сгинь!» — вымолвила она со всей возможной в ее состоянии кокетливостью, а Волк, уловив смятение жертвы, усмехнувшись, разинул пасть. Впрочем, припомнив в последнюю минуту милицейские запреты поступков такого рода, Красную Шапочку он не съел.

К. ПАУСТОВСКИЙ. Красная Шапочка вошла в лес, как только занялась заря. Гул сосен напоминал аккорды Девятой симфонии Бетховена. С песнями прошли девушки, собиравшие землянику, похожую на маленькие рубины, и рассветное солнце позолотило девичьи глаза, сделав их похожими на туманные и лукавые глаза валькирий. Туман вкрадчиво курился над совершенно круглым маленьким прудом, а изогнувшаяся береза напоминала женское плечо, целомудренно белое и неповторимо прекрасное... Маленькие ноги Красной Шапочки бежали по умытой росой изумрудной траве. Красная Шапочка вошла в чащу, такую густую

и темную, будто сюда пролили чернила, и такую напоенную запахами трав и таволги, будто сюда прыснули духами. Красная Шапочка засмеялась от радости. Ей вспомнились «Персидские письма» Монтескье, «Римские письма» Стендаля, заметки Флобера, терцины Данте. Вскоре она выбралась из чащи, и перед ней засиял луг, похожий на акварели раннего Левитана. Курился туман. Играл на жалейке пастух. Мычали коровы.

А вот и домик Бабушки. Нестерпимым блеском сияли окна, в которые било солнце. Белье на веревке напоминало карандашные наброски позднего Добужинского. На бревенчатых стенах застыли крупные капли смолы, желтой, как янтарь, и блестящей, как ожерелье царицы Савской.

А на бабушкиной кровати в чепце, слегка сдвинутом набок, полулежал Волк и курил ароматную сигару. Красная Шапочка вскрикнула. Ее тонкий голос, хрупкий и звенящий, был похож на драгоценный венецианский хрусталь. Она умоляюще протянула Волку маленькие, теплые ладони. Но тот лишь усмехнулся. Это был циник, жуир и ловелас. Его не трогали девичьи мольбы. Его давно уже ничего не трогало. Трещала и оплывала свеча. Мурлыкал за печкой кот. Летели минуты.

Красной Шапочки не стало. Но жизнь с ее смехом и слезами, с ее травами, жалейками, омутами, готическими и другими шпилями, с лукавыми женскими взглядами, с песнями девушек и мужеством мужчин — жизнь продолжалась и была неповторимо прекрасна.

ПОВЫШАЙТЕ УРОВЕНЬ!

Нет, не все семена брошены на ниву культурного просветительства. Дирекция Уфимского Дома культуры имени Калинина ведет беспощадную борьбу за качественно новый ассортимент этих самых семян, решительно отвергая рутину и отсталость. Достойным результатом этой борьбы была устроенная в Доме культуры **лекция-концерт** «Ревматизм, лечение и профилактика».

И это, конечно, не последний этап на благородной стезе просвещения уфимских сограждан. Где страстная лекция-хорал «Язва двенадцатиперстной кишки»? Почему не увидела до сих пор огни клубной рампы симфоническая беседа-реквием «Инфаркт миокарда»?

Очевидно, все впереди!

В. М.

груди во весь экран! Круглые! И сразу — два колеса! Чух-чух-чух! У-у-у! Заработали! Уехал Костя! И дым, дым, дым — во весь экран! А мы уже под поездом — у-у-у... Это нас переехали — понял? Тиресно!

Я сдал курсовую работу и уже весной встретился с Круглоцефалом. Он был одет в полосатую матрацную распашонку, на его губах бродила задумчивая улыбка.

— Образный кинематограф? Чепуха, символятина...— грустно произнес он.— «Красный шарик» видел? «Белую гриву» видел? Во французы дают!.. Я курсовую снимаю. Идет девочка — ма-аленькая, и глаза как на иконке. Идет и держит подснежнички. Кругом люди, машины, понял? Земля крутится! А она идет по земле и держит свои подснежнички... Тиресно!

Из его глаз выплыла одинокая голубая слеза.

...На первую осеннюю лекцию он ворвался грозный, как статуя командора. Его губы застыли горькой каменной складкой.

— Подснежнички? Тютюшечки? — переспросил он гневно.— Делать больше нечего? А я буду культ разоблачать. Ребята, слышал, — во дают! Лагерь — понял?

Потом мы с ним не встречались. Увидел я его как-то уже в коридорах студии Горького. Он заметно пополнел, был одет в добротный костюм в полоску, неизменными оставались только розовые уши на плюшевой голове.

— Диплом делаю — понял? «Иваново детство» видел? Поэтический кинематограф! Пятьсот метров — одно болото... И музыка — ууу! Электроника — понял? И мертвые младенцы...

— Постой, постой... У тебя-то что будет?

— Как что? Я же сказал: поэтический кинематограф! Ну, у меня не болото, а пустыня — неудобно повторяться. Пятьсот метров — одна пустыня, и музыка — ууу! И мертвые старушки...

— Послушай, Круглоцефал,— решился я в первый раз,— у тебя есть совесть? Все это уже было. Было, понял?

— Ну и что же, что было? Надо идти в струе! В композиторы Таривердиева приглашу — пускай всю партитуру из двух нот напишет: там-там, там-блям, там-там, там-блям... Играть будет Волконский на клавесине. Песенку на слова Вознесенского воткнем! Откажется — Ахмадулину попрошу. Снимать будем через цветные стекла. «Человек идет за солнцем» видел? Тиресно!

Я так и не узнал о судьбе его поэтического фильма. Два дня назад я встретил его на улице. Его глаза по-прежнему горели голубым восторженным пламенем.

— Все, что было,— чепуха! Старо! Я сейчас одну вещицу придумал — ни сценария, ни режиссуры, ничего! Один оператор и музыка — понял?

— Тиресно...— ответил я.— У кого спер?

Но он уже не слышал...

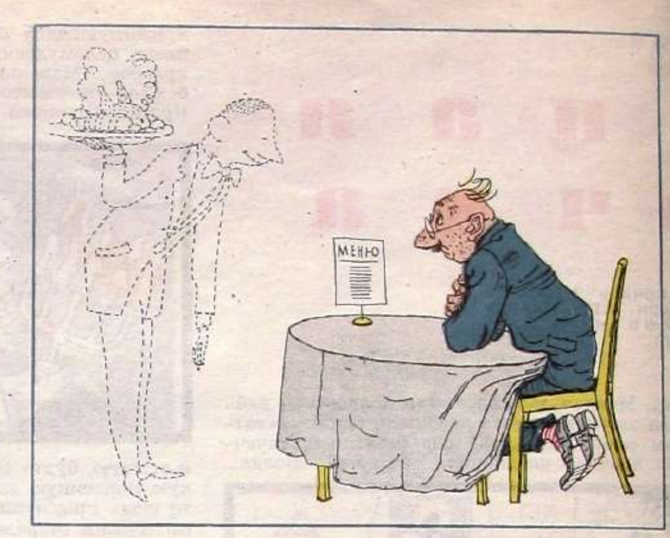

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Вы все, конечно, узнали нашего чемпиона по мотокроссу!

Рисунок Б. САВКОВА

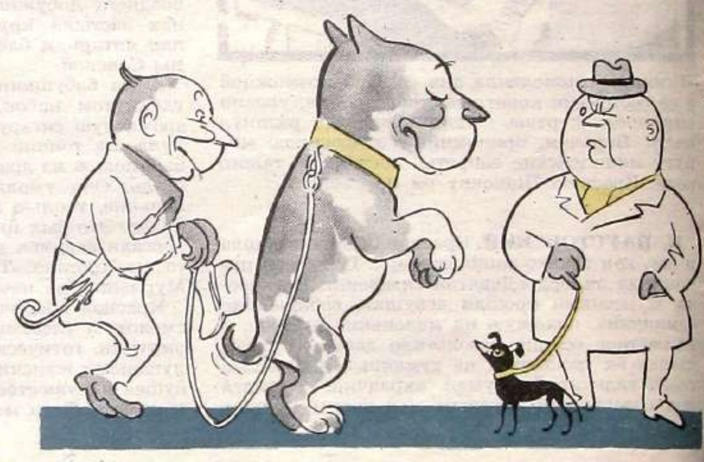
МИРАЖ

Рисунок А. ГОЛУБЕВА

— А вы, гражданин, здесь не стояли!

Рисунок С. АЛЕКСАНДРОВА

Чудеса дрессировки.

Рисунок М. БИТНОГО

— Какое великолепное произведение!
— Между прочим, это план противопожарной охраны...

Рисунок Н. ЕЛИНСОНА

— Как твои отношения с Янеком?
— Отлично.. Мы не сходимся лишь в некоторых мелочах: я хочу венчаться в белом платье, а он вообще не хочет жениться.

Рисунок для Крокодила ХА-ГА (Польша)

Преимущество микролитражки.

Рисунок С. СПАССКОГО

Отклики и реплики

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ»

Мы прочли заметку Б. Юдина, помещенную в № 4 Крокодила, по поводу детской книжки Д. Хармса (издание «Детского мира»).

Не дав себе труда внимательно разобраться в замысле приводимых им стихов, не сказав, к какому они принадлежат жанру, не объяснив, что это стихи-игры, стихи-скороговорки, Б. Юдин цитирует отрывки из них, издеваясь и подтрунивая. Но если бы Б. Юдин подверг той же операции, скажем, сборники русского фольклора или книги авторов настоящего письма, он мог бы с таким же успехом взять на себя защиту «малюток от поэтического издевательства над здравым смыслом». Какой, скажем, смысл имеют вырванные из текста слова «Ай, люли-люли», или «Это че-че-ре-па-па-папаха», или «Вагоноуважаемый многоуважатый»?

Веселая словесная игра, перевертыш, «лепая нелепица» — все то, что так любят дети и что всегда отстаивал Горький как поэзию, с помощью которой дети усваивают дух родного языка,— многие годы были мишенью для «людей в футляре», для старых дев обоего пола. Очень жаль, что эту вредную тенденцию возобновляет своим письмом Б. Юдин.

Д. Хармс не нуждается в защите. Он давно уже признан и детьми и литераторами. Этот талантливый поэт, погибший 22 года тому назад, обладал редкостным даром понимать ребенка и быть участником его веселой игры.

Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать хотя бы стихотворение «Игра», в котором четырехлетний мальчуган с восторгом и самозабвением настоящего художника поочередно перевоплощается то в автомобиль, то в паровоз, то в самолет. Автор заметки допускает, что «есть детские стихи-перевертыши, в которых юные читатели прекрасно разберутся». Но почему же автор уверен, что четверостишию-перевертышу Хармса «Иван Топорышкин пошел на охоту» дети меньше обрадуются, чем перевертышам других авторов? На наш взгляд, умению писать для самых маленьких у Хармса могут поучиться многие авторы книг для детей.

Радостное восприятие мира, причудливое воображение, способность играть словом — все эти свойства, присущие нашей поэзии для детей, в частности поэзии Д. Хармса, так же необходимы для нормального роста ребенка, как витамины в пище.

Горький писал о ребенке: «Он хочет играть, он играет всем и познает окружающий его мир прежде всего и легче всего в игре, игрой. Он играет и словом и в слове» [1]

Алексей Максимович не раз возвращался к этим мыслям в своих статьях и устных высказываниях. Неоднократно писали об этом и авторы настоящего письма (К. Чуковский «От двух до пяти», глава «Игровые стихи», С. Маршак — сборник «Воспитание словом»).

Мы достаточно знаем и уважаем ребенка, чтобы не сомневаться в его способности не только понять, но и оценить мастерские перевертыши и всю словесную игру Д. Хармса.

С. МАРШАК,
С. МИХАЛКОВ,
Корней ЧУКОВСКИЙ

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 25. М. 1953, стр. 113.

ОТ КРОКОДИЛА:

Публикуя письмо товарищей С. Маршака, С. Михалкова и К. Чуковского, редакция считает нужным вернуться к истории вопроса.

Что произошло? Издательство «Детский мир» выпустило детскую книжку Д. Хармса «Игра» тиражом в 100 тысяч экземпляров. Некоторая часть книжек в скором времени была прислана в редакцию Крокодила вместе с письмами читателей.

Письма были критического направления.

«Если бы я мог знать, какое огорчение доставит этот подарок моей любознательной племяннице! Она плакала, когда я читал ей о странных и непонятных даже взрослому вещах, изложенных автором»,— пишет М. Абезгауз из Гатчины.

«Я приобрела книгу «Игра». И очень огорчена. Читать ее моему маленькому сыну у меня нет ни желания, ни терпения» — таков отзыв Л. Медведевой из Сальска.

«Недавно моя дочь принесла домой из библиотеки книжку «Игра», прочла ее и стала жаловаться, что ничего не понимает»,— сообщает А. Троян из Краснодарского края.

Нет нужды перечислять всех авторов писем и цитировать отрывки из их обращений в редакцию.

Редакция опубликовала критическую заметку, в которой процитированы отрывки из вошедших в книгу стихов с небольшими комментариями. Автор заметки ставил под сомнение необходимость выпуска детских книжек в таком виде, как издана «Игра». И даже позволил себе упрекнуть редактора книжки. Вот эта небольшая заметка и послужила поводом для протеста и возмущения со стороны уважаемых детских писателей.

«Не дав себе труда внимательно разобраться в замысле приводимых им стихов, не сказав, к какому они принадлежат жанру, не объяснив, что это стихи-игры, стихи-скороговорки, Б. Юдин цитирует отрывки из них...» — пишут авторы.

Но даже «дав себе труд внимательно разобраться» в книжке «Игра», мы не можем согласиться с тем, что это только стихи-игры. История погони за хорьком с винтовкой — отнюдь не игра. А если говорить не только о качестве стихов, но и о содержании этой истории, то вряд ли охота за «хорошеньким зверьком», чтобы превратить его в чучело, способствует воспитанию у детей художественного вкуса и любовного отношения к животным.

Автор реплики в «Литературной газете» В. Лифшиц, тоже протестовавший против заметки в Крокодиле, пишет, что и ему не нравится история про папу и хорька, но не потому, что плохи стихи. Это, конечно,— дело вкуса. Если В. Лифшиц считает, что «застрелил мне хорька», «папа смотрит и глядит», «на странице поперек» — это образцы хорошей литературной речи, которую нужно прививать детям,— пусть остается в своем приятном заблуждении.

И еще о стихах-перевертышах. Это — наиболее уязвимое, с точки зрения авторов письма, место в заметке.

Не отрицаем снова, что перевертыши понятны и любимы детьми. И что роль их в творческом процессе детского восприятия окружающего огромна. Когда ребенок слышит фразу «ехала деревня мимо мужика», он тут же меняет деревню и мужика местами и радуется решенной задаче. Это несложно. А вот в истории с Иваном Топорышкиным нужно разложить сложнейший пасьянс из слов, прикидывая в уме, что к чему.

Публикуя критическую заметку о книжке «Игра», редакция не ставила под сомнение всего творчества Д. Хармса. Речь шла о составителе-редакторе, который включил в сборник наряду с хорошими стихами и явно неудачные, оказав тем самым недобрую услугу и автору и читателям.

Как же все-таки быть?

Писатели протестуют. А дети и родители обижаются.

Родителям, правда, можно ответить, намекнув на их сходство с «людьми в футляре» и «старыми девами». После этого они, надо полагать, приутихнут и жаловаться больше не будут.

А как быть с детьми? Ведь они находятся еще в том невинном возрасте, когда люди имеют собственное мнение и так просто их не переубедишь.

Правда, есть и еще одно средство: выпуская после долгого перерыва сборник писателя, куда вошла только часть написанных им произведений, выбрать лучшие из них, те, которые доставили бы искреннюю радость детям и их родителям и не служили бы поводом для жалоб, обид и писем в редакцию.

Быть может, это и есть наилучшее средство.

КОМПРЕСС НА ВОСПАЛЕННУЮ АМБИЦИЮ

В номере 31 Крокодил опубликовал фельетон «Воспаленная амбиция». В нем говорилось о грубом зажиме критики и нарушении норм партийной жизни бывшим секретарем Новоазовского райкома Е. Н. Собокарем.

Фельетон был перепечатан газетой «Заря Приазовья» и республиканской газетой «Колхозное село».

Как сообщил редакции секретарь Донецкого обкома КП Украины А. Ляшко, фельетон обсужден на бюро обкома.

За неправильное отношение к выступлению печати и другие нарушения бывшему первому секретарю Новоазовского райкома Е. Н. Собокарю объявлен выговор. Бывшему редактору районной газеты «Социалистический труд» Савченко П. И. поставлено на вид.

Рабкор Г. Демченко, необоснованно наказанный за критику бывшим секретарем райкома Собокарем, восстановлен в партии и на работе.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВ. РЕДАКТОР!

Большое спасибо шлем из Курска. После вмешательства Крокодила хлеб стали продавать хороший. Меня вызвали в обком партии, рассказали мне, что было проделано по улучшению выпечки хлеба, кто понес наказание. После беседы я получила удостоверение внештатного торгового инспектора.

Я пенсионерка и с большой душой буду работать, несмотря на то, что у меня еще есть общественная работа — я комендант дома.

С приветом З. Савельева.

«НА ОБЩЕЙ ПЛАТФОРМЕ»

Спокойненько, за широкой спиной своих вышестоящих друзей творил грязные дела директор Аркадакского маслобойного завода П. Макеев. Фельетон о похождениях распоясавшегося начальничка, о его покровителях, стоящих на одной с ним платформе и исповедующих принцип «шито-крыто», был напечатан в журнале № 35 за прошлый год.

Как сообщил нам секретарь Саратовского сельского обкома КПСС тов. Бочкарев, бюро обкома исключило Макеева из партии «за нарушения финансовой дисциплины, разбазаривание государственных ценностей, грубость и рукоприкладство к рабочим и недостойное поведение в быту». Уголовное дело по обвинению Макеева направлено в суд.

Бывшему секретарю Аркадакского райкома А. Лысенко за беспринципность объявлен выговор с занесением в учетную карточку.

САДУ ЦВЕСТЬ!

В первом номере журнала за 1963 год Крокодил опубликовал маленькую заметку, взволновавшую, однако, большое число наших читателей. В ней говорилось, что по распоряжению директора Симферопольской овоще-картофельной опытной станции тов. Плешакова были выкорчеваны 119 деревьев и кустарников, посаженных учащимися школы № 33.

Мы рады сообщить всем читателям, и в первую очередь приславшим гневные письма-отклики на эту заметку: распоясавшийся директор наказан. За произвол ему объявлен строгий выговор, агроному Панкратову — выговор.

Секретарь Крымского сельского обкома партии тов. Гульчак сообщает также, что «решением облисполкома для строительства спортплощадки школе прирезан участок площадью 1,5 га. На пришкольном участке силами опытной станции посажено около 300 деревьев — яблони, груши и вишни».

НЕ ДОШЕЛ ДО ВОДЫ, НЕ СНИМАЙ САНДАЛИЙ...

Все началось с телефонного звонка. В кабинете американского посольского особняка в Бейруте зазвонил телефон.

— Алло! — поднял трубку один из видных сотрудников посольства.— Кто говорит?

— Это не имеет значения,— ответил чей-то незнакомый голос.— Как говорят на Востоке, не важно, черная ли курица, важно, что она несет белые яйца. У меня в кармане документы, представляющие особый интерес для США.

Сделав ударение на словах «особый интерес для США», незнакомец попал в точку.

— О'кей! — не сдержал радости американец.— Скорее несите ваши документы к нам, в посольство.

— Ну да! — послышалось в трубке.— Не дошел до воды, не снимай сандалий. Сведения важные. Даром я их не отдам. Вы мне — доллары в конверте, я вам — секреты.

— Конечно, конечно! Мы всегда хорошо платим,— успокоил незнакомца дипломат.— Это для нас, американцев, дело привычное.

Очень быстро собеседники договорились о сумме. Осталось уточнить место встречи: обладатель важных тайн наотрез отказался прийти в посольство.

— Может быть, возле отеля? — предложил американец.

— Не подходит. Много полицейских.

— Тогда на почте?

— Не годится. Встретимся возле кинотеатра. Ровно в 6 вечера. У меня в кармане пиджака будет розовый платок. А на вас должна быть тирольская шляпа с пером.

— Помилуй бог, зачем мне перо? — взмолился янки.

— Но, но! Или, может быть, вас уже не интересуют мои сведения?!

Встреча состоялась ровно в 6 вечера. У кинотеатра. Молниеносный обмен конвертами, и американец, сгорая от любопытства, помчался обратно в посольство.

— Наконец-то! — воскликнул он, вбегая в свой кабинет и сбрасывая шляпу с пером.— Вот и мне повезло!

Он достал ножницы, вскрыл конверт и...

— Караул! Надули! — прошипел дипломат в бессильной ярости.

Конверт был полон обыкновенными вырезками из газет.

— Обманули, как мальчишку! Меня, стреляного воробья, провели на мякине! — неистовствовал янки.

Настроение его было окончательно испорчено, когда он увидел, что одна из вырезок — статья, направленная против политики США на Ближнем Востоке.

Так закончилась эта история, о которой поведал свету бейрутский корреспондент агентства МЕН.

Что ж, не нам жалеть американских дипломатов. Уж больно охочи они до чужих секретов! Уж больно любят подсматривать в чужие замочные скважины.

Ю. А.

З А К Л Я Т

Между союзниками по НАТО пробежала стая черных кошек. В атлантическом доме на нервной почве бьют посуду. «Общий рынок» оказался далеко не таким общим, как полагал Макмиллан. Де Голль хлопнул дверью и прищемил хвост британскому льву. Дядя Сэм погладил обиженного леву по вытертой, как исхоженный коврик, спине и вдруг гаркнул на британскую свояченицу Канаду, да так, что в Оттаве рухнуло правительство. Старый канцлер ловчит и комбинирует, чтобы самому остаться с атомной бомбой, а англосаксов оставить с носом — с тем самым большим генеральским носом, который так любят рисовать карикатуристы.

Все раздражены и обвиняют друг друга в подрыве единства, которого, между прочим, никогда не было. Грызня кипит не только по большим, но и по микроскопическим вопросам, о чем дает некоторое представление публикуемая ниже подборка.

ТОРГОВАЯ ВОЙНА

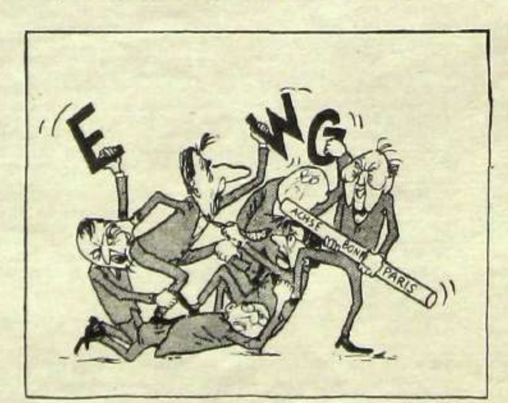
По сообщению французской газеты «Пари-жур», между Францией и Соединенными Штатами Америки началась настоящая торговая война. Некоторое время тому назад французское правительство запретило импорт американских кур. Вашингтон, глубоко уязвленный куриным афронтом, в свою очередь, запретил ввоз французской гусиной печенки. Франция, для которой паштет из гусиной печенки — «пате де фуа гра» — является национальной гордостью, гневно наложила вето на американский картофель.

Газеты живо обсуждают очередную ответную американскую меру: то ли это будет запрет на фильмы с участием Брижитт Бардо, то ли таможня начнет конфисковать духи «Шанель номер пять».

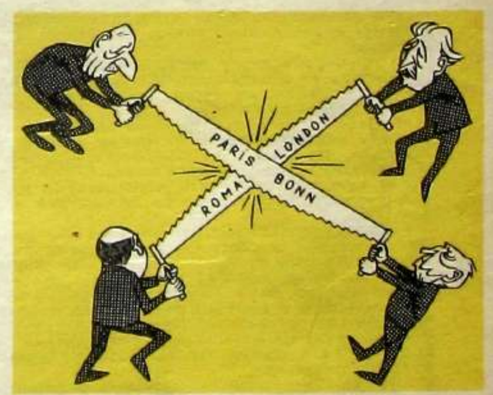
Однако есть и другие варианты американских экономических санкций против Франции. Известно, что ежегодно туда приезжает большое число американских туристов, которые весьма способствуют долларовому притоку в страну. Запретить туризм во Францию правительство Кеннеди вряд ли рискнет, но оно может прибегнуть к более оригинальному методу. Американцев, наоборот, следует поощрять ездить во Францию, предоставив им для этого всяческие льготы. Но с одним условием: перед пересечением французской границы у них следует отнимать все без исключения деньги и чековые книжки.

Представляете, какой это будет удар по Франции? Страну наводнят нищие американцы. Голодные и озлобленные, они будут клянчить подаяние на улицах французских городов. Они будут грабить по ночам продуктовые лавки, взламывать в поисках ночлега амбары и гаражи. Орды одичавших туристов в лохмотьях будут портить вид элегантных парижских бульваров, а в Булонском лесу они начнут копать землянки. Французским властям придется не только закрыть все кабаре и казино, включая знаменитое «Лидо», им придется во много раз увеличить штат полиции для защиты от нашествия. И это тяжким бременем ляжет на национальный бюджет.

Короче говоря, страна окажется перед лицом катастрофы, и тогда... Что тогда? Тогда французы снова разрешат ввоз американских кур. «Атлантическое сообщество» снова станет монолитным. Короче говоря, пока не начнется новая торговая война. На этот раз, может быть, из-за американского виски «Бурбон» и французских туалетов фирмы «Диор»...

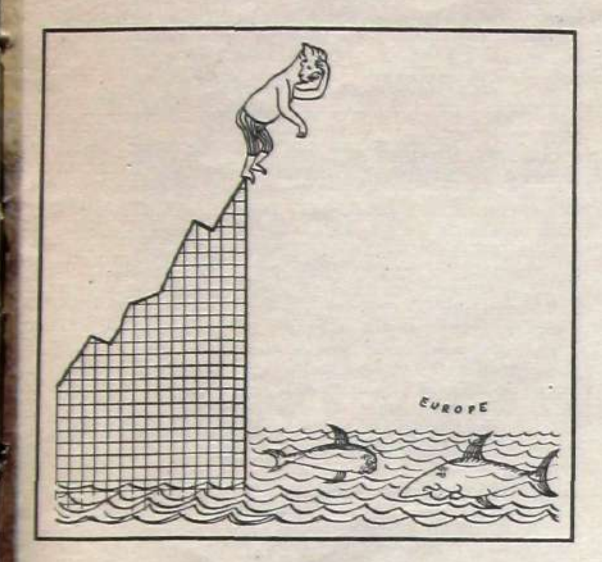

В некотором смысле политика западных держав едина: все они в отношениях между собой предпочитают полагаться главным образом на кулаки и зубы. Вот почему, изображая сколачивание «европейского единства», художник газеты «Берлинер цайтунг» Шпахольц не мог не прибегнуть к батальному жанру.

Участница «Общего рынка» — Италия поддержала Макмиллана в его споре с де Голлем. Художник Вильям Рейхманн из словацкого журнала «Рогач» показал, как западноевропейские союзники-враги пилят друг друга в четыре руки.

ЫЕ ДРУЗЬЯ

Диаграмму роста безработицы в Англии художник Абу из газеты «Обсервер» изобразил в виде скалы, с которой премьер Макмиллан намеревался прыгнуть в кишащий акулами водоем — «Общий рынок».

КОНЕЦ БРАЧНОГО СОЮЗА

До самого последнего времени мистер Хитер Дженнер был твердо убежден, что франко-английское единство непоколебимо. Мало того, все его финансовое благополучие зиждилось на этом единстве. Дело в том, что мистер Дженнер был владельцем брачной конторы в Лондоне, специализировавшейся на устроении счастья англичанок с французами и наоборот. Бюро процветало. Объявления типа «англичанка средних лет с пекарней ищет мужа француза, специалиста по выпечке булочек» приносили свои плоды. Казалось, что дела будут процветать в конторе и впредь, ибо за последние десять тысяч лет люди только и делали, что женились и разводились.

Но политика оказалась сильнее браков по расчету. По настоянию английского правительства, глубоко уязвленного отказом Франции допустить Великобританию в «Общий рынок», мистер Дженнер вынужден свернуть дела.

В конторе происходили душераздирающие сцены.

— Позвольте,— всхлипывала одна английская клиентка,— вы подыскали мне прекрасного мужа. А теперь... Вы же мне обещали счастливую жизнь!

— Простите, мисс Гиннес, Франция тоже обещала нам вступление в «Общий рынок»...

— Что же это такое? — разводил руками другой клиент.— Еще неделя, и я бы назначил помолвку с этой дамой, простите, забыл ее имя. Та, что с бакалейным магазином в Виши. Это же расторжение брачного обещания!

— Ничего не поделаешь,— отвечал убитый горем мистер Дженнер. — Франция тоже расстроила нашу помолвку с ней. Будем же патриотичны и ответим на политическое галльское коварство коварством брачным. Разорвем матримониальные отношения с Францией. Пусть старые французские девы и подагрические холостяки попробуют обойтись без Англии! Пусть ищут себе спутников жизни в «Общем рынке», а мы ответим укреплением брачных отношений со странами Содружества наций и со странами «семерки», не входящими в «Общий рынок». Нет, британский лев еще покажет, за кого он может выйти замуж или на ком жениться!

Вот так, по сообщению агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл, и случилось, что мистер Хитер Дженнер вынужден был свернуть свой брачный бизнес.

В европейской «семье» явно не в почете хорошее воспитание. Вместо того, чтобы как пай-мальчик кушать кашку «Общего рынка», де Голль оплевал Макмиллана. Англо-французская склока ужасно развеселила художника И. Зауэра из западногерманского журнала «Симплициссимус».

Обмен любезностями

НОВЫЙ «НОВЫЙ ПОРЯДОК»

«Все это зловеще напоминает гитлеровский новый порядок. Гитлер был варваром и психопатом. Де Голль — высокообразованный и цивилизованный человек. Но, несомненно, он в какой-то мере одержим манией величия. Западногерманский канцлер Конрад Аденауэр находится с де Голлем в таких же отношениях, какие существовали в 1940 году между главой нацистского марионеточного режима во Франции Петэном и Гитлером».

«Дейли мейл» (Англия).

И ТО И ДРУГОЕ

«Попытка де Голля установить свое господство над Европой была охарактеризована премьер-министром Макмилланом как «не только неблагодарность, но и глупость».

«Нью-Йорк таймс» (США).

ПЛАЧ НА РАЗВАЛИНАХ

«У нас сложилось тяжелое впечатление, что сейчас мы стоим перед разваливающимся, если не перед уже развалившимся домом...»

«Попюлер де Пари» (Париж).

НОГАМИ ВПЕРЕД

«Положение настолько плохо, что Европе нужны не только санитары, чтобы нести носилки, но и врач, который снова собрал бы ее в единое целое».

ЭРХАРД, вице-канцлер и министр хозяйства ФРГ.

КУДА НИ КИНЬ...

«Париж обвиняет Вашингтон в попытках установить свои порядки в Западной Европе, а Вашингтон обвиняет Париж в том, что он вносит раскол в НАТО, причем, к сожалению, оба эти обвинения справедливы. Каждый уперся на своем и даже не хочет прислушаться к тому, что говорит другой... Западная Германия сейчас представляет собой политическое болото, Италия не вернула себе стабильность, а английское правительство борется за свое существование. Между тем де Голль, находясь на вершине власти, преисполнился уверенности, что он управляет в европейском курятнике».

«Нью-Йорк таймс» (США).

Художник английского журнала «Панч» Норман Мансбридж изобразил чехарду, в которой Макмиллан неминуемо разобьет нос о спину де Голля.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАКОМСТВА

Михаил Петрович Соболев — человек нам не чужой. Два года назад мы уже встречались с ним на сатирических стежках-дорожках. *О чем шла речь?* А вот о чем.

Михаил Петрович, председатель крайкома профсоюза рабочих строительства, *имел* белокаменный особняк. Руководствуясь чисто гуманными соображениями, он решил подарить этот особняк детям.

— Пусть,— сказал он,— звенят в этом доме счастливые детские голоса! Пусть!..

— *Не валяй дурака!* — *строго перебила эпический монолог* главы семейства супруга.

А Михаил Петрович и не валял. Он, не колеблясь, расстался с белокаменным особняком и переселился в благоустроенную коммунальную квартиру.

— *Вот теперь я настоящий пролетарий!* — отрешенно сказал он.

Отныне председатель крайкома, по-видимому, и в самом деле считал себя образцово-показательным советским гражданином. Тем более, что дом он действительно подарил. И подарил, как обещал, детям — сыну Вове и невестке Вале.

Председатель Краснодарского крайсовпрофа Зуев поступок Соболева одобрил. Более того, признал его благородным. Все это и послужило поводом для нашего знакомства. Встреча была впечатляющей. Помочь Михаилу Петровичу искренне хотелось. И мы посвятили ему фельетон.

Президиум крайсовпрофа факты, изложенные в фельетоне, признал верными. Соболев коммунальную квартиру освободил. Зуев, оказавший председателю крайкома содействие в некрасивых квартирных делах, раскаялся.

— Ну что ж,— сказали мы,— до свидания, Михаил Петрович! До свидания, товарищ Зуев!

И... свидание состоялось. Оказывается, не успел Соболев освободить одну квартиру, как уже возбудил ходатайство о предоставлении ему другой. Товарищ Зуев ходатайство решительно... поддержал:

— Я думаю, надо дать.

Президиум совпрофа с мнением Зуева согласился:

— Конечно, надо.

А Ленинский райисполком решил:

— *Поскольку возражений нет, в таком разе* тебе, дорогой товарищ Соболев, и ордер в руки!

Итак:

— *Здравствуйте, Михаил Петрович!*

— Здравствуйте и учтите,— сказал Соболев,— мне дают — я беру.

Не учесть такого нельзя. Сразу видно, что на этот раз председатель крайкома ни в чем не виноват. Ему дали — он взял. А кто дал?

— *Да уж не Пушкин, конечно,— недовольно* сказал Соболев.

И представьте, сказал святую правду. Пушкин *действительно оказался ни при чем. Зато пред*седатель Ленинского райисполкома Иван Петрович...

Итак:

— Здравствуйте, Иван Петрович!

— Зачем пришли — знаю! — деловито сказал Иван Петрович.— *Знаю и не отрицаю!* Евдокия Сенник государственную землю продала. Я об этом знал. Мер не принял. Меня наказали!

— Сенник? А кто она?

— Объективно подходите, товарищи! — подскочил Иван Петрович.— Вам, конечно, сказали, что она моя тетя? А она мне не тетя! Она мне тещей доводится! Чужой, как говорится, человек!

Далее председатель райисполкома столь же самокритично признал, что осложнения у него были не только с Сенник Евдокией, но и с Сенник Виктором. Ему Иван Петрович пытался дать вне очереди квартиру. И совсем не потому, что Сенник приходится племянником его, председателя, жене, а просто хотелось проявить чуткость.

Председатель Ленинского райисполкома Иван Петрович Чехов — человек не только чуткий, но и скромный. Не так давно, например, Иван Петрович решил перекочевать из двухкомнатной квартиры в трехкомнатную. И перекочевал. Правда, для трехкомнатной квартиры семья у председателя оказалась маловатой. Тогда Иван Петрович взял самопишущую ручку и с помощью этого неодушевленного механического приспособления сотворил себе еще одного единоутробного члена семьи. Была у Ивана Петровича семья из четырех человек, стала из пяти. А ведь председатель райисполкома мог приписать не одну единицу, а две, три... Мог и все-таки не приписал. Из-за скромности.

Так имел ли право этот чуткий и скромный человек не удовлетворить просьбу Соболева и отказать в ходатайстве Зуеву? Разумеется, нет!

Председателю крайсовпрофа Зуеву, председателю крайкома профсоюза Соболеву и председателю райисполкома Чехову доверено большое государственное дело. Доверие обязывает. Зуев, Соболев и Чехов это понимают. Они за высокую принципиальность. За скромность. За бескорыстие. На словах! А на деле?..

До шести вечера они зовут окружающих в будущее, провозглашают передовые идеи и ходят с постными физиономиями библейских угодников. А после шести бегут к теще за директивами и под ее руководством разрабатывают диспозицию завтрашнего сражения за свое личное благополучие.

При этом учитывается все: как угодить Ивану Ивановичу, чем услужить Макару Макаровичу и что преподнести супруге Захара Захаровича по случаю дня рождения, чтобы Захар Захарович, когда надо молчал.

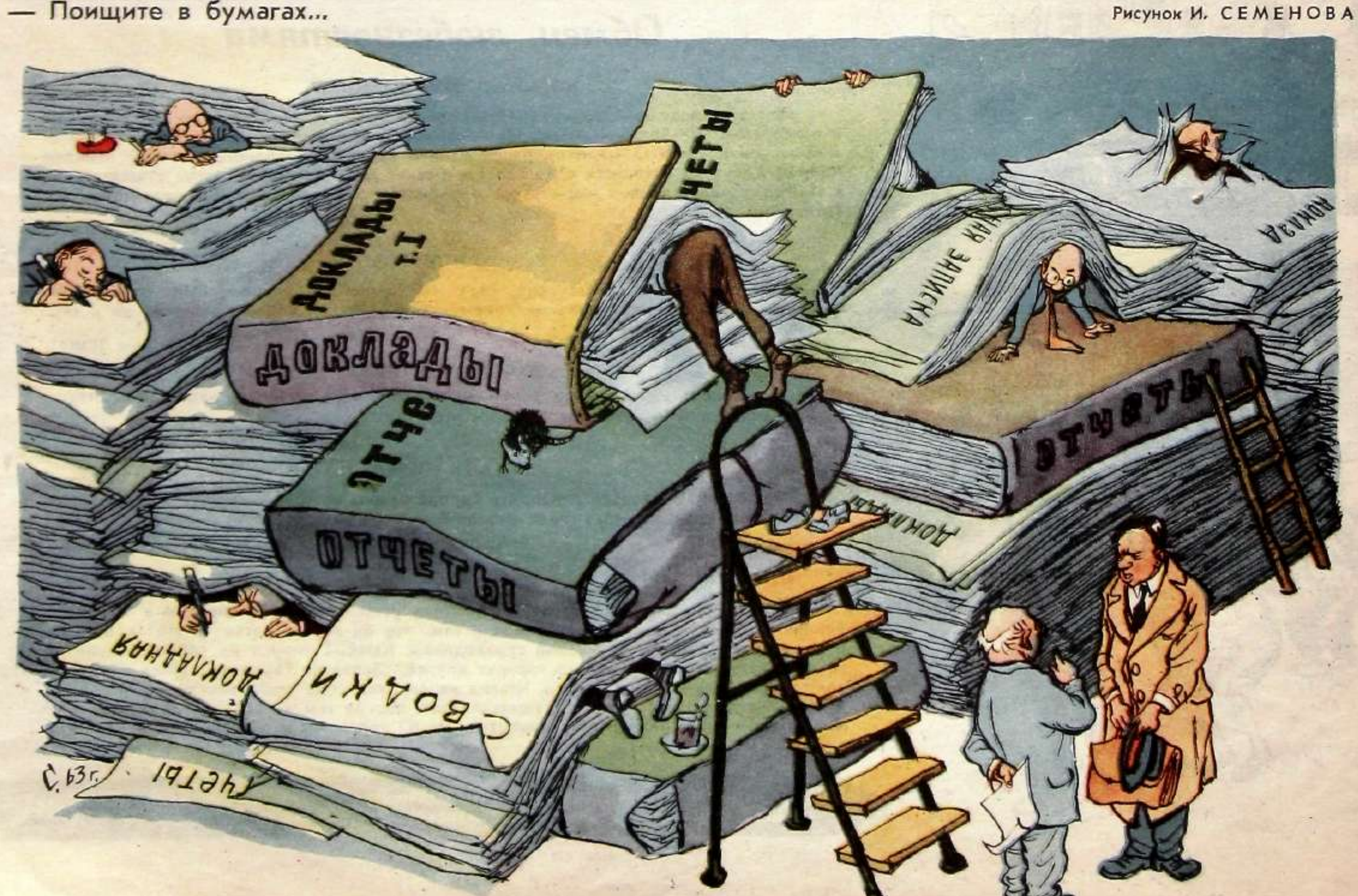
А инстанции по-прежнему продолжают верить, что Зуев, Соболев и Чехов безупречны, как алмаз, и чисты, как белые штаны капитана дальнего плавания на традиционном морском празднике.

Б. ДАНЕЛИЯ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Краснодар.

— Где можно найти ваших научных сотрудников?
— Поищите в бумагах...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Ол. КВАНИН

Шуточки

Гриб,
Зачервивевший
Под сонной лапой ели,
Был горд собою:
— Не нашли!
Не съели!

●

Ворота
Утверждали
Без иронии:
— Нам подражают
Здешние гармонии!..

●

— Да не дрожи ты!..
Я ж тебя не брошу! —
Летя над озером,
Твердил Зайчишке
Коршун.

●

«Добрейший человек! —
Лук думал.— Не иначе!» —
Увидев,
Как, его шинкуя,
Повар плачет.

●

— Что мы!
Вот кто прожорлив,
Так прожорлив!..—
Трещали воробьи
Про жернов.

●

Намерясь превзойти
И Рубенса
И Гойю,
Он пишет,
Стоя на руках,
Ногою!

●

— Ну, как живем? —
Спросил я
Белку в колесе.
Смеясь, она ответила:
— Как все!..

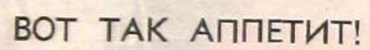
Вологодская область.

Сергей Владимирович МИХАЛКОВ

(К 50-летию со дня рождения)

Дружеский шарж Бор. ЕФИМОВА.

ВОТ ТАК АППЕТИТ!

Белгородская контора «Росбакалеи» решила заключить договор со Старооскольской кондитерской фабрикой на поставку кондитерских изделий. Дело хорошее! Но покупатели попались дошлые. Им кота в мешке не всучишь. И на свет появился такой интересный документ:

«Акт... Мы, нижеподписавшиеся, управляющий Белгородской конторой Росбакалеи Сидоренко, директор Старооскольской базы Росбакалеи Макаров, старший товаровед кондитерской фабрики Елин и мастер конфетного цеха Митусова составили настоящий акт в том, что была проведена дегустация кондитерских изделий в ассортименте, поэтому кондитерские изделия в количестве двадцати шести килограммов подлежат списанию с подотчетного лица».

Над этими строками — виза заместителя начальника управления легкой промышленности Белгородского совнархоза В. Мюллергофа: «УТВЕРЖДАЮ».

Вот такие пирожки. Для того, чтобы заключить договор, высоким договаривающимся сторонам пришлось умолотить полтора пуда всяких сладостей «в ассортименте».

Да, это «дегустация»!

Л. АЛЕКСАНДРОВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Целых двадцать лет я и моя жена были по-настоящему счастливы.

— Что же случилось потом?

— Потом мы познакомились.

—

Жена — мужу:

— Почему ты больше не играешь в шахматы с соседом?

— А ты стала бы играть с человеком, который не признает правил игры, жульничает, издевается над партнером и, проиграв, чуть не лезет в драку?

— Конечно, нет.

— Ну, вот и он не стал.

—

Дочь голливудской кинозвезды спросили, есть ли у нее брать или сестры. Она ответила:

— Нет, у меня нет ни братьев, ни сестер. Но у меня три отца со стороны матери и четыре матери со стороны отца.

ЧТО НОВОГО В САТИРИЧЕСКОМ ЦЕХЕ

Это обложка нового крокодильского альбома из цикла «МАСТЕРА СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЫ». Автор Евгений Ведерников.

Пополнилась Библиотека Крокодила. Один из старейшин цеха фельетонов, Д. Заславский, привел «ОСЛОВ ДЕДУШКИ ВАЛААМА». Поэт-сатирик Ю. Благов доставил «БЫКА ЗА РОГА». Вл. Дыховичный и М. Слободской предложили читателям Библиотеки сатирический цикл «НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ». А. Б. Котляров — шуточные стихи «ВОВКА «ДОН-ЖУАН».

В БИБЛИОТЕКУ «НИАНГИ» (Тбилиси) поступили юмористические рассказы Н. Канделаки «ОТВЕТНЫЙ УДАР» и Б. Сейраняна «МАГАК МАГАКИЧ И ЕГО ДРУЗЬЯ».

«НА ЧИСТУЮ ВОДУ» вывел героев своих стихов и фельетонов белорусский поэт В. Маевский. Сборник пополнил Библиотеку «Вожыка».

«ЗА ХВОСТ И НА СОЛНЦЕ» вытащил при содействии областного издательства большую группу героев не нашего времени автор одноименного сборника басен и юморесок работник Полтавского паровозоремонтного завода В. Голобородько.

А. Новосельский — начальник финансового отдела комбината «Свердлес» и одновременно активный корреспондент «Уральского рабочего», член Союза журналистов. Новый сборник его сатирических стихов «КОНТОРА ПИШЕТ!..» выпущен Свердловским издательством.

Сатирические повести вышли в трех городах: в Ростове-на-Дону — «АДВОКАТЫ» С. Званцева, в Киеве — «ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ» В. Безорудько, в Вильнюсе — «ПОДИ УЗНАЙ, ЧТО СКАЖЕТ САМЫЙ ГЛАВНЫЙ» А. Ионниаса и Ю. Пожера.

Юмористические рассказы для юношества выпускает азербайджанский Детюниздат. Очередные сборники — «ЖИВОЙ МОСТ» А. Гюндуза и «ПУТЕВКА В РАЙ» Ю. Чеменземинли.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00042. Изд. № 164. Подписано к печати 28/II 1963 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 1 700 000 экз. Заказ 533. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Некоторые буржуазные корреспонденты собирают «объективную информацию» о Советском Союзе, рыская по задним дворам и мусорным ямам.

— Господа, а ведь эту помойку мы, кажется, уже снимали для «Лайфа»!

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Цена номера 12 коп.
Индекс 70436